

съ Жуковскимъ, но я ничего объ этомъ не знаю; отецъ мой былъ человекъ очень скромный и вообще мало говорилъ о себѣ. Поэтому я начну съ того, что сама помню.

Въ зиму съ 1855—1856 года въ семьѣ нашей чувствовалось большое возбужденіе: отецъ ѣздилъ къ министру двора, къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, стараясь выхлопотать прощеніе Шевченкѣ, который былъ, какъ говорили тогда, самимъ Государемъ вычеркнутъ изъ списка политическихъ преступниковъ, помилованныхъ по случаю восшествія на престолъ. Повсюду отецъ получилъ отказъ. Тогда онъ рѣшился дѣйствовать на свой страхъ и подать прошеніе ко времени коронаціи.

Моя мать переписывалась съ Шевченкомъ; получались отъ него письма, часто на клочкахъ сѣрой оберточной бумаги, сначала длинныя, съ надсаждающей сердце тоской, потомъ короткія, полныя благодарности и надеждъ. Дѣтскія души чутки къ добру и всей своей неиспорченной силой стоятъ за правду; мы, сестра и я, своимъ переполненнымъ состраданіемъ сердцемъ полюбили Шевченка, прежде чѣмъ увидали его. Съ трепетомъ ожидали мы отвѣта на прошеніе отца. И вотъ осенью 1857-го года въ одинъ вечеръ насъ, уже спавшихъ крѣпкимъ сномъ, будятъ словами: „вставайте, дѣти! большая радость!“ Мы, одѣвшись наскоро, выбѣгаемъ въ залу, а тамъ—отецъ, мать, художникъ Осиповъ, всѣ домашніе; на столѣ разлитыя, шипящіе бокалы шампанскаго... „Шевченко освобожденъ!“ говорятъ намъ, цѣлуя насъ (какъ въ свѣтлое воскресенье) и мы съ неистовымъ крикомъ восторга скачемъ и кружимся по комнатѣ...

Всѣ затрудненія и проволочки, которыя испыталъ Шевченко, пока добрался до Петербурга, извѣстны читателямъ. Наконецъ наступилъ желанный день, когда мы должны были увидѣть его. Мы съ матерью не поѣхали на желѣзную дорогу, мы хотѣли встрѣтить его дома. Съ замираніемъ сердца ждали мы. Раздался звонокъ, вошелъ онъ, съ длинной бородой, съ добродушной улыбкой, съ полными любви и слезъ глазами. „Серденьки мои, други мои, родные мои!“ Ужъ и не знаю, что тутъ было: всѣ цѣловались, всѣ плакали, всѣ говорили за разъ...

По предписанію, Шевченко долженъ былъ жить у отца, такъ какъ былъ у него на порукахъ; но за неимѣніемъ мѣста въ нашей квартирѣ, онъ получилъ тутъ же въ зданіи академіи художествъ двѣ комнаты, мастерскую и спальню. Здѣсь онъ со всею страстью своей пылкой натуры принялся за работу, за свои офорты, о серьезныхъ достоинствахъ которыхъ я говорить не буду, такъ какъ это не входитъ въ мою задачу. Каждый удачный оттискъ приводилъ Тараса Григорьевича въ восторгъ.